

RU

Метафорические образы пространства в русских традиционных рекрутских обрядах Удмуртии: тематика «пути-дороги»

Толкачева С. В.

Аннотация. Цель исследования - описание метафорической образности вербальных песенных текстов рекрутских обрядов в русской традиционной культуре Удмуртии. Дана характеристика наиболее ярких художественных образов, специфических сюжетов, мотивов, связанных с тематикой «пути-дороги». Научная новизна заключается в комплексном описании метафорических образов пространства на примере песенных текстов рекрутского обряда. В результате исследования показано, что символами отчуждения, отстранения рекрута от родного пространства становятся географические названия ландшафтов, наименования мест армейской службы, метафорические образы, связанные с экспонированием водного пространства, с плачем, со слезами и с кровью.

EN

Metaphorical Images of Space in the Russian Traditional Recruitment Rites of Udmurtia: The “On the Road” Themes

Tolkacheva S. V.

Abstract. The study aims to describe the metaphorical imagery of verbal song texts of recruitment rites in the Russian traditional culture of Udmurtia. The paper characterised the most striking literary images, specific plots, motifs related to the “on the road” themes. Scientific novelty lies in providing a comprehensive description of metaphorical images of space, using the example of song texts of recruitment rites. As a result of the study, it has been shown that geographical names of landscapes, names of army service locations, metaphorical images associated with the display of water space, with crying, tears and blood become the symbols of a recruit’s alienation, removal from his native space.

Введение

Традиционные русские рекрутские обряды, бытовавшие на территории современной Удмуртии вплоть до 60-х гг. XX в., в настоящее время исследованы фрагментарно. Данная статья посвящена анализу некоторых элементов вербального кода рекрутского обряда – характеристике художественных образов, сюжетов и мотивов в песенных текстах, связанных с тематикой «пути-дороги».

Материалом для анализа послужили образцы песенного фольклора русского рекрутского обряда, зафиксированные автором на территории современной Удмуртии в фольклорно-этнографических экспедициях 1994-2001 гг., а также материалы и исследования Е. А. Скларовой (2015), Э. А. Тамаркиной (2004), А. Г. Татаринцева (1990), И. К. Травиной (1978), С. В. Толкачевой (2019; 2020).

В разных локальных традициях Удмуртии корпус образцов музыкально-поэтического фольклора, исполняемого во время рекрутского обряда, варьировался. В обряд включались песни, частушки, наигрыши на гармонии. В книге А. Г. Татаринцева (1990) «Русский фольклор Удмуртии» приведены несколько текстов, поэтическую стилистику которых, по мнению автора, можно рассматривать в рамках жанра причитаний. В русском традиционном фольклоре современной Удмуртии неотъемлемую часть песенного репертуара рекрутского обряда составляли несколько песен: «Последний нонешний денёчек», «Ох, прощай девки, прощай, бабы», «Со вечер я был мальчишка», «За лесом солнце взвоссияло». В южных районах Удмуртии к этим песням добавлялась также песня «Жалко, жалко камешку».

Согласно наблюдениям автора, определение информантами песен как рекрутских/солдатских – в ответ на просьбу их исполнить – связано с включением в эти тексты характерных для рекрутского обряда или солдатской службы «знаков»-символов. Ими могли стать военные боевые действия, наименования городов, стран, рек. Подобное явление характерно для многих русских региональных фольклорных традиций России (Волокитина, 2014; Кормина, 2005, с. 26-37; Черных, 2001, с. 144). В некоторых беседах информанты вспоминали рекрутские/«некрутские» песни по произошедшим во время обряда ярким, необычным ситуациям. Исполнение песен комментировалось выражениями информантов – «некрута <т.е. рекрута> провозжали», «на проводах пели», «соберут родников, соседей». Часто рекрутские/солдатские песни исполнялись помимо обряда – во время застолий и на встречах с родственниками, соседями и т.д.

В материалах Г. Е. Верещагина жанровое определение песен, которые исполнялись или могли бы исполняться во время рекрутского обряда, отсутствует. И. К. Травиной и А. Г. Татаринцевым они объединены в разделе/подразделе «рекрутские и солдатские песни». Е. А. Скларовой (2015, с. 124-126) рекрутские и солдатские песни выделены из обширного пласта «молодецких» песен в соответствии с их тематикой – «рекрутской» или «солдатской».

Основная часть

В песенных текстах традиционных рекрутских обрядов презентация художественного пространства, в рамках которого разворачиваются события, связана преимущественно с показом перемещений персонажей – рекрутов, солдат и т.д. Сквозной тематикой или своеобразным лейтмотивом этих текстов является описание «пути-дороги».

Территория, удалённая от отчего дома рекрута, зачастую обозначается географическим названием, которое в контексте рекрутского обряда осмысливается как знак-символ «отстранённого» пространства. Например, сторона (*сторонка/дорожка*) называется *петербургской*, улица (*улочка*) – *шведской*, слобода – *немецкой*, море (*взморье*) – *германским*, горы – *Карпатскими* или *Кавказскими*, поле – *чистым*, *турецким*. Символами «чужой» стороны становятся названия городов – Москва, Питер (все диалектные термины, выражения и фрагменты текстов приводятся в данной статье в орфографии и пунктуации источника. – С. Т.):

Как по улице по шведской,
В слободе было немецкой...
(Стародубцева, 1999, с. 77-78).

Из Москвы-то в Питер слышно
Про некрутский про набор...
(Травина, 1978, с. 175).

В описании ландшафта используются тропы, которые как бы визуально увеличивают, «расширяют» художественный образ или придают ему психологические оттенки, подчёркивающие или усугубляющие настроения разлуки, волнения, пронизывающие весь рекрутский обряд. Например, армейская служба называется *печальной*, песок – *истоптанным*, *путь-дороженька* – *дальной*, поля – широкими, края – далёкими, скалы – огромными, лес – тёмным, *борочек* – *сырьём*, ветры – буйными, сине море – *всколыхливым* и т.д.:

Далеко в горах Карпатских,
Между двух огромных скал
Темным лесом пробирался
Санитарный наш отряд
(Татаринцев, 1990, с. 124).

...Вы не дуйте, ветры буйные,
Не сдувайте с гор песочки,
Не мутите сине море.
Сине море всколыхливо...
(Травина, 1978, с. 179).

В некоторых метафорах при упоминании места службы рекрута подчёркивается её государственный статус или акцентируется изменение социального статуса самого новобранца. Например, подбираются такие эпитеты: служба – *царская*, *государская*, солдат – *новобранный*:

...Ты поедешь да, мило дитятко,
Не во любую да путь-дороженьку,
Не в любимую – во дальнюю,
Во дальнюю да во печальную.
Ты во службу-то во царскую,
Во царскую да государскую,

Во солдаты новобранные!
(Татаринцев, 1990, с. 116).

В описание пространства в вербальных песенных текстах рекрутского обряда могут включаться оригинальные образы, не присущие другим обрядовым текстам традиционной русской культуры Удмуртии, например зелёной *ракиты* или *кучевой вербы*. На символику вербальных текстов рекрутского обряда исследуемой фольклорной традиции в значительной степени повлияли художественные образы и стилистика «молодецких» и поздних лирических песен (Склярова, 2015, с. 124-126; Тамаркина, 2004, с. 140):

Под ракитою зелёной
Там русский раненый лежал...
(Татаринцев, 1990, с. 122).

...Только выросла там
Кучевая верба.
Как под этой вербой
Солдат битый лежит...
(Татаринцев, 1990, с. 122).

Вероятно, образы *ракиты* и *кучевой вербы* получили незначительное распространение и редко используются в песнях других обрядов Удмуртии в связи с поздним оформлением песенного репертуара рекрутского обряда. Кроме того, на данный феномен могли оказать влияние политические, этнические или социальные процессы, происходившие на территории Камско-Вятского края в XVIII-XIX вв.

В песенном репертуаре рекрутских обрядов русской традиционной культуры Удмуртии широко представлены художественные образы, сопряжённые с водной стихией. К описанию данного вида пространства привлекаются такие образы, как реки, озёра, моря, дожди, туманы, болота:

На взморье мы стояли,
На германском берегу...
Мы стояли и смотрели,
Как волнуется волна...
Не туман с моря поднялся,
Сильный дождичек полил...
(Татаринцев, 1990, с. 118).

Часто водные источники имеют названия реальных рек. Например, гидронимы территории Удмуртии – реки Чепца или Кама:

Есть-то над ричушкой да, над рекою, ох, над рекою.
Есть-то над быстрою да над Чепцою, ох, над Чепцою...
(Стародубцева, 1999, с. 82).

Широко распространённый символ мифологизированного водного пространства славян «Дунай» также упоминается в песнях рекрутского обряда Удмуртии – как гидроним «Дунай-река» (Петрухин, 2002):

За Дунаем, за рекой
Там казак-то гулял...
(Татаринцев, 1990, с. 124).

Символика, соотнесённая с водной стихией и связанная с телом человека, представлена в песнях рекрутского обряда художественными образами плача и слёз. Данная символика также координируется с тематикой «пути-дороги». Например, в описании ситуации обрядового прощания с рекрутом в песне «Последний нынешний денёчек» показывается плач членов семьи рекрута и всех присутствующих:

Последний онешней денёчек,
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра рана, чуть светочик,
Заплачет вся моя родня.
Заплачут братья мои, сёстры,
Заплачет мать и мой отец.
Ищё заплачет дорогая,
С которой шёл я под венес.
С которой жить я с ей собрался,
И жить навеки обещал...
(Полевой материал автора..., 1994).

В некоторых текстах происходит контаминация метафорических образов слёз, плача и природных водных источников. В результате данных процессов появляются такие мотивы и художественные образы,

как мотив истечения реки из слёз – «со слёз речка протекла», или образ «глазовской дороги, улитой слезами» («глазовской» она называется по географической принадлежности к городу Глазову):

...Вот указ – во солдатушки
Ладят везти нас.
Со слез речка, речка протекла.
Речка, речка глубока...
(Травина, 1978, с. 173).

...Наша глазовска дорога
Вся слезами улита,
Вся слезами улита,
По ней едут некрута
(Татаринцев, 1990, с. 112).

В тексте «Соколочек да милый брателко» в поэтическом описании ритуала пострижения волос встречается оригинальная метафора. Её глубина обусловлена сочетанием символических образов: волос, которые состригли с рекрута, и слёз: «*Как на каждой волосиночке / По горячей по слезиночке*»:

...Станут брить да, сокол-брателко,
Все твои да все русы кудри.
Повалятся да русы кудри
Со буйные со головушки.
Как у тебя да, сокол-брателко,
Твои да русы кудри!
Как на каждой волосиночке
По горячей по слезиночке
(Татаринцев, 1990, с. 116).

Для показа сильного эмоционального накала разлуки рекрута с родными используются эпитеты слёз – «горючие», «горькие»:

Не по реченьке лебедушка плывет, э, ой да,
Не ко мне ли с горя мамонька моя идет...
...Через золото горьки слезыньки роню.
Что со этих со горючих со слез
Быстра речка протекла,
Спотопляла все болота, темные леса...
(Травина, 1978, с. 181).

В песнях рекрутского обряда могут координироваться символы плача и крови. Например, в песне «Из Москвы-то в Питер слышно» использование данных символов позволяет показать как бы в усилении, в «удвоении» сильные душевные переживания солдата при возвращении в родной дом («сердце кровью залилось») и в параллели – страдания его матери («во горьких слезах сидит»):

...Подъезжаю близко к дому –
Сердце кровью залилось:
Вижу матушку родную,
Во горьких слезах сидит...
(Травина, 1978, с. 175).

Исходя из мифологических установок, определяющих солдата как представителя «иного» мира, в некоторых песнях рекрутского обряда встречаются сюжеты и мотивы, в которых даются варианты «возвращения» солдата домой в образе птиц. В таких песнях описывается, как солдат «прилетает» домой в образе кукушки или сокола. Например, в варианте песни «Ни кокуй-кося, кукушка», записанном в селе Малые Калмаши Каракулинского района, описывается, как солдат «прилетает» домой соколом и «кукует кукушкой» перед окном:

Ни кокуй-кося, кукушка, ох,
Не кокуй в бору, ребая.
На сухом ли але на пруточке,
Вы сырьём али во борочке.
Отчево солдатам скучно?
Зимой частьё были походы,
Всё крещенский были морозы.
Во сапожках ножки зябнут,
От ружейцев ручки щиплёт.

Посулюсь к мамаше в гости,
Через двадцать пять годочков
Прилечу(о) я соколочком.
Ся(э)ду в сад пиред окошком,
Закукую я кокушкой,
Прокукую я кокушкой, ох,
Закукую я ребою
(Стародубцева, 1999, с. 19).

Метафорический образ солдата, возвращающегося домой в образе птицы, берёт на себя функцию «модулятора» пространства. В развитии сюжета акцентируется смена служебного, «армейского» пространства на «освоенное», «домашнее». Символика данного сюжета отражает двойственное в народном мышлении мировосприятие рекрутов и солдат как членов социальной общины.

В тексте песни «Ни кокуй-кося, кукушка» координируются тематика «пути-дороги», сюжет о возможном возвращении домой героя в образе птиц, мифологическое фольклорное восприятие образа солдата.

Заключение

Итак, результатом исследования художественных образов, связанных с презентацией пространства в песенных текстах рекрутских песен современной Удмуртии, стало выявление ряда тенденций.

Обнаружено, что метафорическое описание пространства в рекрутских песнях в значительной степени зависит от соотношения содержания песни с началом солдатской службы, с военными действиями или с возвращением солдата домой.

Символами отчуждения, отстранения рекрута от родного пространства становятся географические названия ландшафтов, а также наименования мест армейской службы, в которых акцентируются социальная иерархия или указания на государственный статус.

Доминирующая в рекрутском обряде атмосфера прощания и тревожности поддерживается вербальным кодом. Для характеристики художественных образов ландшафта в сюжетах, описывающих солдатскую службу, подбираются аналогичные эпитеты.

Метафорические образы, связанные с экспонированием водного пространства, с плачем, со слезами и с кровью, берут на себя функцию своеобразного «преломления» пространства. В результате «родное», «свое» для рекрута и для членов его общины пространство как бы «переосмысливается», получает окраску «чужого», инородного.

На примере анализа метафор, связанных с тематикой «пути-дороги», в песне «Ни кокуй-кося, кукушка» показана символическая замена художественного образа человека на орнитоморфные образы – кукушки и сокола.

В песнях с данным сюжетом посредством замены образа ушедшего на службу солдата, возвращающегося в виде птицы, демонстрируется мировосприятие народом соотношения границ между реальным и ирреальным миром и также представлен один из вариантов их взаимодействия или пересечения.

В перспективах дальнейшего исследования вербального кода русской традиционной культуры Удмуртии предполагается анализ метафорических образов художественных персонажей в песенных текстах рекрутского фольклора.

Источники | References

1. Волокитина Н. А. «Солдатская доля» в песенном фольклоре населения Вологодской губернии // Альманах современной науки и образования. 2014. № 5-6 (84).
2. Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
3. Петрухин В. Я. Дунай // Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002.
4. Полевой материал автора. НОА, село Вятское - Научно-отраслевой архив Удмуртского федерального исследовательского центра Удмуртского института истории, языка и литературы. Каракулинский район Удмуртской Республики, село Вятское. Запись августа 1994 г.
5. Склярова Е. А. Музыкальный фольклор в календарных обрядах русских старожилков Удмуртской Республики: дисс. ... к. иск. СПб., 2015.
6. Стародубцева С. В. Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. Вып. 1. Русский фольклор Удмуртии.
7. Тамаркина Э. А. Внутрижанровое многообразие и традиционность русской народной песни по записям Г. Е. Верещагина // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. ст. / сост. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.
8. Татаринцев А. Г. Русский фольклор Удмуртии / сост., предисл., вступ. ст. к разделам, примеч. А. Г. Татаринцева. Ижевск: Удмуртия, 1990.

9. Толкачева С. В. Рекрутский обряд в русской традиционной культуре Удмуртии // Прикамское собрание: мат. III Всероссийского открытого науч.-практ. форума «Ресурсы развития российских территорий» (г. Сарапул, 27-28 сентября 2019 г.): сб. ст. УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск - Сарапул, 2019.
10. Толкачева С. В. Традиционные рекрутские обряды русского населения Удмуртии: этнографические параллели с рекрутскими обрядами народов Урало-Поволжья // Научный диалог. 2020. № 8.
11. Травина И. К. Русские народные песни родины П. И. Чайковского. М.: Советский композитор, 1978.
12. Черных А. В. Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник. М.: Лабиринт, 2001. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / сост. И. А. Морозов, отв. ред. С. П. Бушкевич.

Информация об авторах | Author information

RU**Толкачева Светлана Викторовна**¹, к. филол. н.¹ Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск**EN****Tolkacheva Svetlana Viktorovna**¹, PhD¹ Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk¹ svetlana-tolk@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.11.2021; опубликовано (published): 28.02.2022.

Ключевые слова (keywords): рекрутские песни; русский фольклор Удмуртии; путь-дорога; плач; пространство; recruitment songs; Russian folklore of Udmurtia; on the road; crying; space.